

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Гайдар Е. Власть и собственность. СПб.: Норма, 2009. — 332 с.

Когда в 1914 г. началась война, Томас Манн опубликовал эссе «Фридрих и Большая Коалиция». Он писал о семилетней войне, но так, что его текст воспринимался как описание Первой мировой. Не случайно писатель снабдил его ремаркой: «Очерк на злобу дня и часа». Этот старинный прием вспоминается, когда читаешь книгу Е. Гайдара «Власть и собственность». Эта книга — обзор истории своего Отечества, которую рассказывает своим современникам и наследникам один из величайших реформаторов России, истории, которую предпочитали или замалчивать, или недоговаривать. Гайдар и в иносказаниях, и в прямой речи абсолютно откровенен, не следуя афоризму Талейрана, что язык должен скрывать человеческие мысли.

Когда Гайдар пишет, что Россия «...заплатила дорогой ценой не столько за татаро-монгольское иго, сколько за его ликвидацию» (с. 215), невольно пытаешься сопоставить плату за ликвидацию социализма и затраты на его построение. Когда он рассказывает о реформах Петра I и в духе П. Н. Милюкова раскрывает их «самоедский характер»: высокие налоги, переобложение крестьянства, круговая порука, сокращение за четверть века населения на 20% (с. 221), — понимаешь, что речь идет об индустриализации, коллективизации и, может быть, о самой перестройке. Когда Гайдар переходит к оценке Октябрьской революции (переворота) как сугубо реакционного явления (с. 249), отбросившего нашу страну на много десятилетий назад, он, в сущности, повторяет мысли классиков-марксистов, ошельмованных В. И. Лениным в качестве меньшевиков. (Любопытно, что в социалистическом движении меньшевиков всегда было больше, чем большевиков.) Действительно, Октябрьская революция с точки зрения настоящего марксизма, в духе Г. В. Плеханова, была не чем иным, как реставрацией азиатского способа производства.

С точки зрения взглядов на общество Гайдар, конечно, не ортодоксальный марксист, но марксизм — это часть его интеллектуальной ауры. Описывая судьбы нашего Отечества, он, в сущности, пытался показать их через призму одной марксистской категории, которую большинство марксистов «забывает», — «азиатского способа производства». Это в России. Запад, напротив, ассимилирует марксизм (см. с. 208), он стал составной частью его культуры. «Два мыслителя, — пишет автор, — сыграли выдающуюся роль в отражении революционного вызова Маркса — Э. Бернштейн и Лорд Дж. Кейнс» (с. 208). Если первый действительно ввел марксизм в эволюционное русло, то второй-то Маркса вообще всерьез не воспринимал, но своим реформаторским «мощным инструментарием» (с. 209) оказал значительное влияние на судьбы капиталистического мира. Все мысли Гайдара, как можно догадаться, направлены на то, чтобы страна наша вписалась в этот реформированный западный мир, но скрытый пафос книги в том, что все многовековые усилия в этом направлении были тщетны. Отсюда Гайдар делает очень важный вывод: «Ни один здравомыслящий политик не будет игнорировать чужой опыт и не станет механически копировать его» (с. 211). Это очень разумные слова, и, наблюдая довольно краткую, но эффективную практическую работу Гайдара, можно сказать, что он придерживался этой тактики и воплотил ее, насколько удалось, в жизнь. Но не полностью. Гайдар отлично понимал, что никакой шоковой терапии, за которую его все упрекали, в годы его власти провести не удалось, а азиатский способ производства он смог серьезно сдвинуть, но не уничтожить. Он остался. И, как при всех других исторических реформах, которые про-

водились у нас, за реформами следовали контрреформы. Государство всегда брало вверх. И тут Гайдар указывает на собственность как главный объект вождельности власти, воплощенной в чиновниках. Но ему надо было бы расширить взгляд и лучше рассмотреть историю Государства Российского и его людей. Они рождены и воспитаны веками в духе патернализма. Власть государства — это власть чиновников и их собственности над всем, на что ее можно распространить. Вот почему возникает в нашей стране экономическая доктрина, мало похожая на идеи классиков и институционалистов. У нас штурмовщина, говоря языком сталинской эпохи, сменяется застоём. Причины, обуславливающие русскую бюрократию, — самодурство, лень, расхлябанность, коррупция (с. 223). По Гайдару, эти качества врожденные и следовательно, неизбежные. И это, может быть, самые печальные строки его книги. Значительная часть этой книги посвящена как бы объяснению того, что делал автор, когда управлял страной. Великому реформатору оправдываться не надо: революционный переход страны из одной формации в другую без гражданской войны, которую ждали многие; либерализация цен, насыщение рынка товарами и ликвидация очередей, которые были неотъемлемой частью жизни всех советских людей; предотвращение голода, который уже наступал, и, что самое главное, приватизация, подвиг XX в.

Можно привести еще много успешных дел, совершенных Гайдаром. Но и за это потомки поставят его в один ряд с такими реформаторами, как Сперанский, Витте, Столыпин.

Много, слишком много места уделяет автор как бы объяснениям с критиками-иностранцами. Смысл ответа сводится к пословице: «Чужую беду руками разведу». И действительно, смешно читать рассуждения заокеанских критиков, что они думают о самом важном: развитии политических свобод, расширении уровня экономических свобод. Они все о свободах, а запасов зерна при самых минимальных нормах оставалось в стране всего на несколько дней (с. 11).

Общий вывод автора сводится к тому, что народ слишком поздно понимает, что «при старой власти было плохо, при новой — еще хуже» (с. 44). Если эта идея овладеет массами, то революции будут исключены. Но история учит тому, что она ничему не учит. Поэтому не будем обольщаться.

И, применительно к делам доперестроечным и постперестроечным, Гайдар удачно поправляет К. Маркса: «...История повторяется дважды: один раз как трагедия, другой — как фарс. К сожалению, он был не прав: она может повториться и как трагедия» (с. 133). И эта поправка существенна.

Любя Маркса и стараясь не афишировать своих чувств, Гайдар выводит из утверждений классика три важнейших вывода о природе коммунизма и государства: 1) упразднение частной собственности превращает ее в собственность государственную; 2) государственная собственность на деле есть собственность бюрократии; 3) каждый бюрократ «приватизирует» на своем месте ту часть госсобственности, на которую он может или на которую ему разрешено посягнуть (с. 260).

Эти три классических вывода абсолютно справедливы, но возникают главные вопросы, поставленные автором: почему так происходит? И почему постоянно повторяется эта круговерть? Ответы за нами. У разных людей они будут разными.

И несколько слов о книге в целом.

1. Как политический мыслитель Гайдар значительно ниже тех великих дел, которые он смог совершить, находясь у власти.

2. Его научная эрудиция существенно богаче того, что демонстрирует большинство ученых, но значительно беднее того, что можно было бы ожидать: нет разбора письма П. Н. Дурново, в анализе бюрократии забыт М. Вебер, в разборе элит — В. Парето, в делах социологии — П. Сорокин. Все философские системы, кроме марксизма, остаются где-то в стороне и, что самое удивительное, на труды великих экономистов почти нет ссылок, не говоря о рассуждениях о них.

3. Книга переполнена историческими материалами об ужасах революции. Они интересны и поучительны, но их подтекст слишком очевиден. Как мемуарист Гайдар косвенно хочет сравнить свои реформы с тем, что делали другие.

4. Книга написана прекрасным русским языком в полном смысле этого слова. Литературный талант дедушки замечательно воплотился в его внуке. Чтение текста, помимо рассуждений, как правило глубоких и парадоксальных, доставляет огромное эстетическое удовольствие, а редкие вспышки юмора войдут в историю нашей Родины: «...Большевизм разгорелся не столько от той “Искры”, сколько от пожара мировой войны» (с. 238). Это фраза А. Н. Потресова, но автору надо было ее и найти, и оценить. Гайдар начитан и не пропускает редкие словечки, например «ускомчел» — усовершенствованный коммунистический человек. Список можно продолжить.

5. К сожалению, книга испорчена примечаниями, в которых в совершенно примитивной форме объясняют, кто такой Иван III, Василий III, Иван IV, Плеханов и т. п. Такие добавки унижают автора и его издателей.

Но при всем при том выход в свет этой «легкой» книги на «нелегкую» тему, ее чтение, сопереживание вместе с автором проблем и судеб нашей Родины — событие в нашей интеллектуальной жизни.

Я. В. Соколов,
докт. экон. наук,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Sandström A. Solvency: Models, Assessment and Regulation. London: Chapman & Hall/CRC, 2006. — 433 p.

Возникновение и развитие нынешнего экономического кризиса некоторые исследователи объясняют недостатками финансового регулирования и проблемами оценки финансовой устойчивости. Поэтому прояснение основных подходов в данной области представляется ключевым моментом понимания текущей ситуации.

Сложность подобного прояснения усугубляется тем, что в течение предшествующего десятилетия произошла смена парадигмы финансового регулирования и надзора, которая привела к изменению и представлений о содержании такой деятельности, и методов оценки финансовой устойчивости, и организационных структур надзорных органов. Новый подход состоит в явном определении всех компонентов риска, влияющего на финансовое положение компании. В основе подхода лежит идея «наилучшей оценки», т. е. использования рыночных цен, где это только возможно, а если они недоступны, то подходящих оценок, которые получены в результате комплексного экономико-математического моделирования соответствующих операций. Считается, что методология такого подхода должна быть одинакова для всех типов финансовых институтов, хотя наибольшие проблемы возникают при ее практической реализации для страховых компаний.

В результате возникает вопрос не только о «вине» надзорных органов в условиях кризиса и их неспособности справиться с «провалами» рынка, но также о работоспособности и универсальности новой парадигмы. Действительно, если в условиях постоянно растущих рыночных цен этот подход работает почти идеально, то при падении рыночной стоимости активов соответствующие финансовые институты становятся, как правило, неплатежеспособными. Причем указанная неплатежеспособность имеет место в краткосрочном периоде и исключительно с точки зрения надзорных правил, тогда как в долгосрочной перспективе и при более традиционной оценке активов и обязательств финансы соответствующих

институтов вполне здоровы. Иными словами, такие надзорные правила при определенных условиях начинают загонять регулируемые финансовые институты в ловушку, подталкивая к разорению, хотя цель финансового надзора строго противоположна.

Наиболее ярким примером нового подхода служит концепция Solvency II, реализуемая в Европейском союзе. Она считается самым развитым вариантом: подготовка к ее введению шла около 10 лет, в течение которых разработчики реформы пытались учесть все обстоятельства и имеющийся международный опыт. Переход к новым правилам финансового надзора и регулирования должен был произойти с 1 января текущего года, но осенью прошлого, 2009 г. он был отложен из-за кризиса до 2012 г. (что само по себе достаточно показательно).

Рецензируемая книга посвящена развитию концепции Solvency II. Автор, сотрудник Шведской страховой федерации и до последнего времени главный редактор одного из ведущих актуарных журналов, основное внимание уделяет истории возникновения идей и особенностям применения указанной концепции для страховых компаний. Книга была написана еще в 2006 г., когда голоса скептиков заглушались всеобщим энтузиазмом. Тем ценнее изложенный в ней материал: можно проследить логику появления и развития новых идей в области оценки финансовой устойчивости (пусть и все упорнее критикуемых в настоящее время).

Автор подробно излагает результаты всех предшествующих исследований и выводов рабочих групп по вопросам страхового надзора и оценки финансовой устойчивости (естественно, с большим упором на итоги подобной работы в Западной Европе). В силу того что многие из соответствующих отчетов публиковались давно и ограниченным тиражом и, следовательно, стали библиографической редкостью, рецензируемая книга становится уникальным источником материала по данной теме. Обзор указанных отчетов позволяет лучше понять развитие представлений о финансовой оценке страховых компаний в историческом контексте. С этой точки зрения Solvency II представляется логическим завершением такого развития на момент написания книги. Хотя мировой финансовый кризис, несомненно, заставит сделать следующий шаг в эволюции взглядов, фиксация определенного состояния такой эволюции важна для понимания логики развития.

Более того, в книге дан неплохой обзор концепций надзорной оценки финансовой устойчивости в различных (в том числе и неевропейских) странах. Их сравнение и анализ помогают понять, что обсуждаемая концепция финансового надзора представляет собой не чисто европейское изобретение, а отражение всемирной тенденции смены представлений о финансовых рынках под воздействием их почти непрерывного роста на протяжении последних нескольких десятилетий. В этом смысле нынешний финансовый кризис вызревал давно: по крайней мере, его психологические корни лежат в постепенном обольщении надзорных органов экономически развитых стран идеей бескризисного или почти бескризисного развития финансовых рынков (своего рода финансового аналога лозунга о «конце истории»).

Будучи актуарием, автор много внимания уделяет обсуждению методик оценки и построения соответствующих актуарных, экономико-математических моделей. Это также делает книгу уникальной, так как позволяет сравнивать различные подходы и анализировать предпосылки, лежащие в основе указанных моделей. Если обычный подход для такого рода литературы состоит в пересказе нормативных документов без каких бы то ни было дополнительных пояснений, то данная книга позволяет понять, откуда берутся те или иные коэффициенты и формулы, чем объясняется дизайн соответствующей методики и как это связано с представлениями о финансовой устойчивости. Книга будет полезна и для понимания идеологии актуарного моделирования.

Все сказанное делает книгу единственной в своем роде. И студенты, и высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы в области международных финансов, актуарного анализа и надзора за финансовыми рынками найдут в ней много нового для себя. Представляется, что без знания содержащегося в ней материала нельзя говорить о современной подготовке финансиста и актуария.

А. А. Кудрявцев,
канд. экон. наук
Санкт-Петербургский
государственный университет

Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2009. — 463 с.

Данная книга представляет собой сборник избранных работ докт. экон. наук, проф. В. Т. Рязанова, 15 лет возглавляющего кафедру экономической теории Петербургского университета. Имя автора не нуждается в специальном представлении. В 1998 г. вышла в свет его книга «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв.», получившая широкий отклик в среде ученых-экономистов; он часто выступает на научных конференциях и публикует научные статьи.

Хотя новая книга В. Т. Рязанова и представляет собой тематическую подборку статей, опубликованных автором в 1993—2009 гг. в периодических изданиях, тем не менее она — целостное издание. Тематически статьи сгруппированы в пять разделов: 1) «Методологические проблемы экономической теории», 2) «Всеобщее и особенное в экономике: пример России», 3) «Реформы и современное российское хозяйство», 4) «Глобализация и кризис: реформы в России и международный опыт», 5) «Экономическая публицистика». По существу, эти разделы определяют круг научных интересов автора. Первые два раздела охватывают теоретические и гносеологические проблемы экономической науки, остальные по большей части касаются анализа разных аспектов функционирования экономики России и других стран.

В статье «Проблемы верификации в экономической теории» автор поднимает очень важные вопросы науки, связанные с проблемой истинности в экономике. По мнению автора, современное экономическое знание, для того чтобы претендовать на истинность, должно учитывать следующее: 1) до тех пор, пока теоретическое утверждение не опровергнуто, оно может считаться истинным, 2) необходимо постоянное обращение к проблеме реалистичности методологических предпосылок, 3) для соблюдения принципа достаточности и полноты аргументов необходимо учитывать влияние неэкономических факторов, 4) обращение к конкретной действительности не должно приводить к отрицанию всеобщего в экономике. Только соблюдение этих положений позволит создавать теоретические конструкции в современной науке.

В. Т. Рязанов стоит на позициях необходимости полного подтверждения эмпирическими наблюдениями теоретических построений — постулате, высказанном более 150 лет назад Огюстом Контом и Джоном Стюартом Миллем. «Если научная истина в экономике в силу разных причин не может непосредственно опереться на эмпирическое подтверждение через обращение к хозяйственной практике, то, в таком случае, есть еще один дополнительный способ — это проверка истины временем. Чем дольше время жизни научной гипотезы, тем больше оснований считать ее истинной», — подчеркивает автор (с. 28). Здесь отмечается большая роль критерия «фальсифицируемости» в экономической науке, детально разработанного К. Поппером. По нашему мнению, уместно было бы остановиться на вопросе принципиальной возможности проверить эмпирически все теорети-

ческие постулаты. Ведь такие инструменты анализа, как, например, функции индивидуальной и общественной полезности, вряд ли могут быть построены эмпирически, да и не возникает такой задачи в неоклассической парадигме. Это можно отнести и к модели общего равновесия вальрасовского типа. О базовых теоретических предпосылках экономисты просто договариваются. Да и как быть в этом случае со всей математической экономикой, многие задачи в которой рассматриваются в гипотетических, идеальных условиях, напоминающих принцип «идеального» газа в физике? Отказывать представителям этого направления в «научности»?

Весьма примечательна статья «Антропологический принцип в экономике», в которой автор, опираясь на многочисленные исследования отечественных и зарубежных исследователей (А. Печчеи, М. Сализ, Х. Шрадер, К. Поланьи, С. Г. Кара-Мурза, Б. Г. Ананьев) поднимает проблемы антропологической революции и проблемы изучения «экономического человека» на основе антропологических данных и подводит к мысли возможности создания модели экономики, которая не основывается на безграничности потребностей людей, а трансформируется в «экономику ограниченных человеческих потребностей» (с. 61).

Привлекает внимание и статья «Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка». Автор обращается к экономической герменевтике — теории понимания и интерпретации экономических текстов. По мнению автора, герменевтический контекст в экономической науке чрезвычайно важен в ситуации, когда происходит диалог между экономистами по поводу одних и тех же фактов хозяйственной жизни. В статье ставятся важные вопросы терминологии экономической науки — в идеале экономическая теория должна стремиться, как и любая другая наука, к точности и однозначности используемых понятий, но при этом чрезвычайно важен контекст (исторический, социокультурный и т. п.), через который при распознавании смысла и значения текста происходит согласование всеобщего с особенным и единичным, присущими самой хозяйственной жизни (с. 82). Заканчивая статью, автор замечает, что возрождение российской экономической мысли как развивающегося и творческого сегмента мировой науки может быть связано с выбором в качестве приоритетного объекта не абстрактной экономики, а российского хозяйства, поскольку она «наиболее точно воспроизводится и описывается русскоязычными терминами и понятиями» (с. 90), а здесь, по мнению автора, позволяет в полной мере соединить экономическую герменевтику с содержательностью самой экономической науки.

Чрезвычайно интересны и дискуссионны статьи «Российская школа национальной экономики: историческое значение» и «Российская школа национальной экономики: идеи консерватизма». В первой из них автор на основе анализа большого количества работ выделяет несколько звеньев (направлений) в «русской школе национальной экономике», а не в экономической мысли в целом, как это пытаются делать некоторые авторы: 1) славянофильство (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев), 2) народническое течение (Н. Г. Чернышевский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев), 3) православно-самодержавное течение (С. Ф. Шарапов, М. О. Меньшиков, Л. А. Тихомиров), 4) евразийство (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев) (с. 158—159). Во второй прослеживается развитие консервативных идей в русской экономической мысли на протяжении 200 лет и проводятся параллели с зарубежными исследованиями. Причем показано, что само понятие «консерватизм» в истории экономической мысли имело неоднозначную трактовку. Вывод автора следующий: «Исторический опыт модернизации России, которому оказались свойственна историческая неустойчивость к капиталистической и социалистической систем хозяйства, как в одном, так и в другом случае ориентированная на заимствованные цели и общественно-экономические модели, свидетельствует о пред-

почтительности консервативного подхода к самому процессу реформирования, нацеленному на разработку собственной модели экономики» (с. 188).

Особый раздел книги составляют статьи, объединенные темой «Реформы и современное российское хозяйство». Здесь и вопросы «длинных волн» в экономике России, и проблемы постиндустриального развития России в XXI в., и проблемы рентной модели экономики, и становление экономико-правового подхода в России. В статье «Государственный капитализм и перспективы демократии в России» автор считает, что переход к модели государственного капитализма в современной России, «создавая более благоприятные условия для проведения реформ и решения экономических задач, сохраняет необходимое пространство для развития демократических принципов организации социально-хозяйственной жизни общества. Но для этого важно, чтобы правящая элита даже в условиях переходности осознавала значение и самоценность демократии для нормального функционирования общества» (с. 302).

Виктор Тимофеевич Рязанов — не только теоретик-методолог. Он пристально следит за развитием экономики России и зарубежных стран, откликаясь на все важнейшие события. Пример тому — современный мировой финансовый кризис. Проведя детальный анализ причин современного финансового кризиса, автор приходит к выводу, что настоящий кризис носит системный характер: «Масштабная либерализация финансовых рынков в условиях сохраняющейся относительной закрытости национальных сегментов реальной экономики создаст рассогласованность и внутреннюю конфликтность в хозяйственной деятельности, усиливая разрыв открытости финансов с обособленностью национальных экономических интересов... Превращение финансовой сферы в самодостаточную, функционирующую автономно как глобальная сеть, создает опасный разрыв с производством, которое развивается преимущественно в рамках национально-воспроизводственного комплекса» (с. 376).

В. Т. Рязанов предлагает ряд «рецептурных» мер для экономики России в связи с нынешним финансовым кризисом: 1) отказ от плана превращения рубля в резервную валюту даже в рамках СНГ, 2) отказ от превращения России (Москвы) в один из мировых финансовых центров, 3) в русле деспекулятизации экономики России и общего финансового оздоровления — запрет на использование ценных бумаг в качестве залога для получения кредита (с. 401—402).

В своих межстрановых исследованиях, включающих Китай, Японию, страны Латинской Америки, автор всегда проводит параллели с Россией и демонстрирует возможность учета опыта реформ в этих странах.

Последний раздел книги «Экономическая публицистика», содержащий подборку статей и интервью автора по текущим экономическим проблемам 1990-х гг., как нам представляется, имеет больше исторический интерес. Это реакция ученого на те или иные события переходного периода (шоковая терапия, кризис 1998 г., смена экономического курса и т. п.).

Конечно, не со всеми выводами автора можно согласиться. Но главное в том, что статьи, написанные на основе блестящего знания литературы и детального логического анализа, заставляют думать.

Остается только сожалеть, что книга вышла весьма скромным тиражом — всего 300 экземпляров — и вряд ли появится в широкой продаже.

А. Л. Дмитриев,
канд. экон. наук,
Санкт-Петербургский государственный
университет экономики и финансов